

DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu2.2016.2.4>

УДК 81.161.1
ББК 81.411.2-03

Дата поступления статьи: 17.03.2016
Дата принятия статьи: 18.04.2016

РЕАЛИЗАЦИЯ ОБЪЕКТИВНОЙ МОДАЛЬНОСТИ В ТЕКСТАХ ВОЙСКОВЫХ ГРАМОТ СЕРЕДИНЫ XVIII ВЕКА¹

Оксана Анатольевна Горбань

Доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и документалистики,
Волгоградский государственный университет
o.gorban@mail.ru, iryas@volsu.ru
просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация

Елена Михайловна Шептухина

Доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и документалистики,
Волгоградский государственный университет
sheptukhina@yandex.ru, iryas@volsu.ru
просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматриваются средства выражения объективной модальности в текстах войсковых грамот середины XVIII в. из архивного фонда «Михайловский станичный атаман» Государственного архива Волгоградской области. В результате контекстуального анализа авторами установлено, что доминирует в текстах грамот значение реальности, основным экспликатом которого являются формы реального наклонения (синтаксического индикатива). Установлена зависимость использования форм времени от структуры документа: реальность в настоящем и прошлом выражается преимущественно в мотивирующей части грамот, формы футурума частотны в распорядительной части грамот. Охарактеризована роль устойчивых формул, выполняющих функции документных реквизитов, в указании на реальность излагаемых фактов: они подтверждают подлинность документа, а значит, и содержащейся в нем информации. Выявлено, что отнесенность к определенному времени выражается также указанием точных дат, а достоверность событий подтверждается ссылкой на документы. Показано, что употребление форм ирреального наклонения связано преимущественно с реализацией прагматической модальности волеизъявления.

Особое внимание уделено случаям совмещения значений объективной и ситуативной модальности, а также особенностям выражения объективной модальности отрицательными конструкциями.

Описанная организация войсковых грамот в плане выражения объективной модальности способствует выполнению ими информативной функции и реализации объективности и точности, свойственных официальным документам.

Ключевые слова: документ, войсковая грамота, Область Войска Донского, объективная модальность, средства выражения объективной модальности.

1. Статья продолжает описание войсковых грамот из архивного фонда «Михайловский станичный атаман» Государственного ар-

хива Волгоградской области (Ф. 332. Оп. 1) – специфических управленческих документов, создававшихся в главной канцелярии Облас-

ти Войска Донского, – в аспекте категории модальности. Ранее были рассмотрены средства выражения модальных значений необходимости, возможности, вопроса, волеизъявления, отмечена ведущая роль семантики необходимости и волеизъявления, которая обуславливается регулятивной функцией исследуемых документов и способствует речевому воплощению их предписательного характера (см.: [10; 11]).

Предписание является хотя и преобладающей, но не единственной установкой, реализуемой в войсковых грамотах. Наряду с регулятивной, данные документы выполняют информативную функцию: они сообщают о фактах, событиях, в связи с которыми войсковым правительством принимаются те или иные решения, что сопряжено с выражением объективной модальности.

2. В научной литературе представлено различное понимание языковой категории модальности (частично об этом см.: [10, с. 9]), по-разному также определяется круг явлений, подводимых под данную категорию. Несмотря на это, в сфере модальности неизменно выделяется так называемая объективная модальность, передающая отношение содержания высказывания, то есть того, о чем сообщается, к действительности [7, т. 2, с. 214], в отличие от остальных модальных значений, связанных с отношением говорящего к сообщаемому, – оценкой, например, возможности, необходимости, желательности осуществления того, о чем сообщается. При этом в определении границ объективной модальности и, соответственно, средств ее выражения ученые расходятся во мнениях.

Объективная модальность представлена значениями реальности (сообщаемое мыслится говорящим как относящееся к реальной действительности в настоящем, прошлом или будущем) и ирреальности (сообщаемое оценивается как «гипотетическое», предполагаемое, возможное и т. д. в неопределенном временном плане). Основным морфологическим средством их выражения является система форм глагольных наклонений. В этом плане традиционно противопоставляются изъявительное наклонение (индикатив) как реальное повелительному (императиву) и сослагательному (конъюнктиву) наклонениям

как ирреальным; члены оппозиции учеными характеризуются как положительные, либо положительный и нейтральный, «нулевой», «негативный», либо иным образом, например по наличию / отсутствию эксплицитного выражения негативного признака (см., в частности: [3, с. 476; 4, ч. 2, с. 472]). Однако некоторыми исследователями отмечается, что повелительное и сослагательное наклонения по-разному выражают нереальность действия: «У императива нереальность (нереализованность) действия связана с тем, что это действие как бы “задается” говорящим, возлагается на собеседника» [4, ч. 2, с. 473]. В связи с этим в тех работах, в которых разграничивается пропозициональная и прагматическая модальность, императив относится к прагматической модальности и, таким образом, не включается в сферу модальности объективной (пропозициональной) [2, с. 11–14].

С позиций синтаксиса, при рассмотрении модальности как компонента предикативности, выделяются синтаксические наклонения, выражающие объективно-модальные значения реальности (синтаксический индикатив) и ирреальности (синтаксические ирреальные наклонения) [7, т. 2, с. 86]; формы выражения этих значений не ограничиваются морфологической категорией наклонения глагола.

Функциональный подход к трактовке модальности позволяет не только расширить круг средств выражения объективно-модальных значений, но и выявить своеобразную «шкалу» реальности / ирреальности в зависимости от меры присутствия признаков реальности или ирреальности в представлении говорящим существования событий. В частности, выделяются реальность в узком и широком смыслах, потенциальность как переходное значение, отражающее «динамику связей между реальностью и ирреальностью» [9, с. 75], суппозитив как косвенное когнитивное наклонение [9, с. 101–109] и др.

В данной статье анализ особенностей реализации модальной семантики в текстах войсковых грамот опирается на разграничение пропозициональной и прагматической модальности, при котором объективная модальность, наряду с предметной (или ситуативной), относится к модальности пропозициональной (или онтологической): «объектив-

ная модальность... с помощью двух грамматических форм (изъявительного и сослагательного) фиксирует способ существования именуемого события с точки зрения того, как последнее соотносится с наличной действительностью (оно было, есть или будет в условиях наличной действительности – его нет, но оно может быть в иных условиях, оно целесообразно для каких-то целей и т. д.)» [2, с. 16]. При таком подходе, помимо глагольных форм изъявительного и сослагательного наклонений как средств выражения объективной модальности, рассматриваются и конструкции, соотносимые с синтаксическими наклонениями.

3. В текстах войсковых грамот отмечено абсолютное преобладание значений реальности сообщаемого, выражаемых формами синтаксического индикатива: предложениями со спрягаемыми формами глагола всех трех времен, с неспрягаемыми формами глагола и составным именным сказуемым и др. События, о которых сообщается в грамотах, относятся к настоящему, прошедшему и будущему времени.

3.1. Существование события в настоящем передается глагольными формами презенса в значении настоящего актуального, которое может быть выражено при перформативном употреблении глаголов речевой деятельности (сообщения), например: *о том определѣния учинить нѣвозможно сатем какъ и ты доносишь что сдес под караулам оноі андреи содержитца* (ед. хр. 3, л. 4)². Как правило, перформатив используется при выражении модальности волеизъявления, однако при этом утверждается и актуальность самого факта волеизъявления субъекта (требования, приказа, постановления, а в начальной формуле *отъ донскихъ атамановъ и казаковъ... объявляемъ* – сообщения об этом).

Значение настоящего актуального выражается также некоторыми устойчивыми оборотами, имеющими отношение к оформлению документа. Например: *копию с которой при сеи н(а)шеи войсковой грамоте прилагаетца копия ж* (ед. хр. 9, л. 34 об.) – где указывается на наличие прилагаемого документа; *У сей грамоты наша войска донскаго печать* – нулевой глагольный компонент номинативного предложения, в соот-

ношении с формами прошедшего (*был*) и будущего (*будет*) времени вспомогательного глагола *быть*, соответствует форме презенса *есть*; эта фраза как обязательная приписка под документом выполняет функцию реквизиита, свидетельствует о наличии на документе печати (что должно восприниматься визуально) и тем самым подтверждает подлинность самого документа.

Ситуация настоящего актуального, по мнению А.В. Бондарко, образует ядро семантики реальности.

Настоящее время в текстах войсковых грамот может представляться как настоящее неактуальное – расширенное или постоянное. Значение настоящего расширенного реализуется при описании ситуации, существующей (или повторяющейся) в течение некоторого времени, включая момент речи, и сохраняющей в определенной степени свою актуальность, например: *а протчих великоросискских городовъ всякого чина людеи кои не имея у себя папшпортовъ обстоятелно **крыютца** в которой станице, таковых вамъ атаманомъ и казакамъ лова высылать под карауломъ* (ед. хр. 1, л. 2 об.); *трова на оных местахъ еже **лѣтно** станицными скотскими стадами **потравлѣна** и **потолочена** **бываетъ** і по той **бѣ**скормицы почтовые лошади на хлѣба **касачьі** **саходять** а хосяева **ловятъ** і с почтовыхъ казаковъ са **потраву** и **потолоку** денѣжно[ю] **заплатою допрвляють*** (ед. хр. 3, л. 3) – в приведенном примере описываются ситуации, создающие предпосылки для принятия решения войсковым правительством.

Значение настоящего постоянного реализуется при передаче обычных действий, при характеристике внешности человека: *а причина тому не иная [...] [т]олко та одна что лебѣдей **стреляють** лет[ом] [к]огда они **плодятся** і **линяютъ*** (ед. хр. 11, л. 4); *авчинниковъ **ростом** дву **аршинъ** **шести** **вершков** **лицем** **смугль** **волосом** **русь** **гласа** **карие*** (ед. хр. 9, л. 38). Несмотря на то что глагольные формы или нулевой компонент, соответствующий форме настоящего времени вспомогательного глагола *быть*, реализуют значение настоящего неактуального (не связанного с конкретным местом и моментом времени), сообщаемая информация содержит

элемент прагматической значимости для субъекта и адресата текста: в первом случае сложившееся положение дел требует своего изменения, что и послужило предметом для обсуждения и поводом для принятия решения субъектом; во втором – на внешние приметы беглого преступника обращается внимание адресата, побуждаемого к его поиску по этим приметам.

3.2. Реальные события в прошлом обозначаются глагольными формами прошедшего времени совершенного и несовершенного вида, страдательных причастий прошедшего времени.

Высказывания с претеритальными спрягаемыми формами глаголов совершенного вида описывают конкретные факты, предшествующие времени создания грамоты и в подавляющем большинстве случаев послужившие поводом для принятия решения. Глагольные формы при этом представлены в перформативном употреблении или реализуют перфектное либо аористическое временные значения. В перформативном и перфектном употреблении они выражают актуальность сообщаемого, его связь с настоящим. Например: *сего года октября 15г(о) дня по поданному из крепости святыя анны инъантерий казанского полку подпорутчика василья кареѣва нам войсковому атаману і войску донскому в черкаском доношении; которым объявил* (ед. хр. 1, л. 3) – здесь глагол выступает как перформатив; *в прошлом 753м году женился онъ в нижней рыковской станицы на девке казачей дочери где и имѣет жителство до сего времѣни* (ед. хр. 11, л. 2) – глагольная форма выражает перфектное значение («женился и сейчас женат»); *сего числа получил я от войска данскаго три войсковые гра[мо]ты которыми велено о сыску и поиску бѣжавших ис кре[по]сти святыя анны* (ед. хр. 9, л. 38) – в данном высказывании, предваряющем копию войсковой грамоты, называется конкретное действие, результат которого актуален для настоящего (грамота имеется в наличии, ее содержание служит основанием для последующих действий). Во всех приведенных примерах реальность фактов подчеркивается указанием конкретных дат.

Перфектное значение в текстах грамот выражается преимущественно формами крат-

ких страдательных причастий прошедшего времени, которые определяются в научной литературе как формы пассивного перфекта [9, с. 44]. По мнению А.В. Бондарко, формы типа *рассмотрен* содержат нулевой компонент по отношению к формам с элементами *был* и *будет* и «выражают временную отнесенность, охватывающую планы прошедшего и настоящего времени» [9, с. 44]. Например: *1734г(о) году сентября 26г(о) дня посланъ от нас Войска Донскагw из черкаскагw... великоросиской бѣглець семень никитѣорwвъ прозваниемъ мякишевъ... того ради... станицнымъ атаманомъ і казакамъ принимая оногo колодника вестъ при промеморіи н(а)шеи под крепкимъ карауломъ* (ед. хр. 1, л. 1) – словоформа *посланъ* обозначает действие в прошлом, имеющее временную локализацию (указана дата), актуальное для настоящего, поскольку по поводу данного факта написана грамота, содержащая в связи с ним распоряжения адресату; *сего ноября 10го дня станицы вашей казакъ матвеи ульяновъ, вместо войскового терещика михаилы гнutowa определенъ терещикомъ, в которую должность і вступить ему с приходящего Михайловского богоевленского ярмонка* (ед. хр. 3, л. 5); *получена сего wктября 14 дня* (ед. хр. 1, л. 1). Использованный в последнем контексте устойчивый оборот выступает в роли реквизита «отметка о получении», он приписывается под текстом или на полях получателем и призван засвидетельствовать факт получения, а следовательно, наличия документа у адресата; и мн. др.

Перфектное значение иногда выражается краткими страдательными причастиями прошедшего времени несовершенного вида; такое употребление отмечается, например, в типовой конечной формуле, указывающей место и дату составления грамоты: *писана в черкаскомъ 1735 году генваря 17г(о) дня* (ед. хр. 1, л. 2 об.).

Использование страдательных причастий может быть объяснено тенденцией к «безличности» повествования как проявлению объективности документного текста, что представляет собой один из важнейших стилиобразующих факторов современного официально-делового стиля.

В аористическом значении глагольные формы прошедшего времени совершенного вида называют действия в прошлом, не связанные с настоящим, но мыслимые как конкретные, реальные факты: *они при той лини до самого возвращѣния с командирования пробыли восемь месѣцовъ* (ед. хр. 9, л. 5 об.). Такое значение выражают и единичные формы глаголов несовершенного вида (*битъ, допрашиваны*), а также формы кратких страдательных причастий совершенного вида со вспомогательным глаголом *быть* в прошедшем времени (*были закованы, были представлены* и под.). Например: *посланъ от нас... бѣглець семень никиторѡвъ прозванием мякишевъ: которой са побѣгъ на страх другимъ в войсковом кругу битъ плетми* (ед. хр. 1, л. 1); *сего числа получил я от воиска дансаго три войсковые гра[мо]ты которыми велено о сыску и поиску бѣжавших... из воронежа августа 26(о) дня от тюремнаго острога воровъ и разбоиников агаѡна губарева и ивана хахълова кои были закованы в кандалах: в станицах ваших накрепко публиковать* (ед. хр. 9, л. 38).

Реальные действия в прошлом обозначаются также формами прошедшего времени несовершенного вида. Они немногочисленны и употребляются в общефактическом (обобщенно-фактическом) значении или в значении длительного действия. Например: *а ныне какъ онъ слышел что онои уже умре* (ед. хр. 11, л. 2) – словоформа *слышел* реализует общефактическое значение, выполняя функцию простой констатации реального факта; *они при той лини до самого возвращѣния с командирования пробыли восемь месѣцовъ и несли в розъездах и караулах беспрестанные беспокоиствы і утруждѣние* (ед. хр. 9, л. 5–5 об.) – словоформа *несли* в составе устойчивых глагольно-именных сочетаний выражает длительное действие (состояние), продолжительность которого указана в контексте; *по побѣге жытелство имел вашей станицы у касака ѡедота маркова и нас у него в зимовье овецъ четыре года* (ед. хр. 6, л. 11–11 об.) – в данном контексте длительность действия *нас* также указана. В общефактическом значении названные глагольные формы часто выступают в перформативном употреб-

лении (глаголы с лексической семантикой сообщения *писал, репортовал* и под., волеизъявления *требовал, просил, просили* и др.); обозначаемые ими действия могут быть результативными (здесь можно видеть сближение с глагольными словоформами в перфектном значении), однако акцент делается не на результате, а на наличии самого факта сообщения, волеизъявления [1, с. 28; 7, т. 1, с. 611].

3.3. Реальность существования в будущем передается в предложениях со спрягаемыми глагольными формами будущего времени (*получите, явятца, иметь будет, станут* в сочетании с инфинитивом и нек. др.), краткими страдательными причастиями прошедшего времени со вспомогательным глаголом *быть* в форме будущего времени (*будут уволены, покупан будет, куплены и взиманы будут, выбрано будет* и под.), формами имен со вспомогательным глаголом *быть* в будущем времени (*будутъ ис купечества, будет надобна*). Например: *а какъ скоро тою будущаю весною река вскроитца то первую водою с нарочными от васъ немедленно сполна их отправить* (ед. хр. 9, л. 16 об.–17); *и когда весь пух выщипанъ будетъ т[о] оные засушенные кожи не выделявая присы[латъ] в санктъ петербургъ* (ед. хр. 11, л. 4). Преобладают, как и в прошедшем времени, пассивные формы. Глаголы в перечисленных формах употребляются также в конечной формуле о получении и исполнении грамоты: *и какъ вы которою станицею сию н(а)шу войсковую грамоту получите і вамъ чинить по вышеписанному непременно* (ед. хр. 1, л. 5 об.); *и какъ сия наша войсковая грамота вами которою станицею получена будетъ и вамъ станицнымъ атаманам и касакам о семъ ведать и по вышеписанному чинит непременно* (ед. хр. 9, л. 17).

По мнению некоторых ученых, семантика будущего времени не относится к ядру реальности (к реальности в «узком смысле» как актуальности). Так, А.В. Бондарко считает, что в нем представлена реальность «в широком смысле», поскольку отнесение факта к будущему сопряжено с проявлением намерения, воли совершить данное действие: «Ситуация еще не стала реальностью – это

открывает возможности для осложнения «футуральной фактичности» различными элементами потенциальности и степени вероятности» [9, с. 73; ср. также: с. 98]. Можно сказать, что будущее время находится на периферии реальности и, как показывает наш материал, «степень» реальности / потенциальности различается в зависимости от излагаемой ситуации.

При употреблении футуральных форм в придаточных предложениях времени обозначаемый факт мыслится субъектом речи как реальный и неизменный: в приведенных выше высказываниях подразумевается, что грамота обязательно будет получена, река обязательно вскроется ото льда; эти события упоминаются как реальные временные вехи в будущем, за которыми последуют предписываемые действия. Формы будущего времени, использованные в главной части сложноподчиненных предложений с придаточными условия, содержат больший элемент потенциальности, возможности; факты представляются как обещаемые лишь при определенных условиях, но в случае возникновения называемой в придаточном предложении ситуации эти действия будут совершены непременно, и эта непереносимость подтверждается распорядительным документом: *ежели у кого по подлинному свидетельству те заводы являцца оныя замотчики котор[ые] будут ис купечества от служеб и постоев будутъ уволены и с продажи того шелку до десяти летъ пошлинь брано не будетъ, и тот шолкъ покупанъ у нихъ будетъ на российския шелковые мони-фактуры по настоящимъ цѣнамъ* (ед. хр. 8, л. 19 об.).

3.4. Можно отметить некоторые случаи употребления синтаксического индикатива, которые также находятся на периферии реальности или имеют переходный характер между реальностью и ирреальностью. Это высказывания с косвенной речью, придаточные предложения условия, отрицательные конструкции.

3.4.1. В текстах войсковых грамот достаточно широко представлены ситуации опосредованной передачи информации о реальных событиях через какой-либо письменный или устный источник – ситуации пере-

сказывания, так называемая «непережитая реальность» [9, с. 75]. Усматриваемое здесь особое модально-грамматическое значение Г.Г. Сильницкий называет виртуальным суппозитивом и характеризует его следующим образом: «дейктический субъект речи утверждает, что референтный субъект утверждает, что данное событие имело, имеет или будет иметь место» [9, с. 102]; то есть, «излагая события не со своей, а с чьей-то иной точки зрения, дейктический субъект речи переключает на референтный субъект “ответственность” за достоверность содержания высказывания» [9, с. 102], ослабляя тем самым свою собственную роль в определении степени реальности событий. Выражается такое значение, как правило, предложениями с косвенной речью.

Косвенная речь представлена в текстах войсковых грамот при передаче содержания других документов и изложении свидетельских показаний. Она вводится чаще всего частицей *де*, а также союзом *что*, иногда частицей *якобы*, сочетанием единиц *что де, яко де*. Возможна ссылка на источник информации вне конструкций с косвенной речью, с использованием предложно-падежной формы *по* + Дат. п. существительного, называющего источник (*по справке*). Хотя при опосредованной передаче событий ожидается «снижение» оценки их достоверности, в текстах документов в этом плане отмечаются особенности.

Подобный «перенос ответственности» за достоверность сообщаемого можно наблюдать при пересказе разного рода показаний в ходе производимых следственных действий по розыску и возвращению беглых, установлению принадлежности к казачеству и т. д. Например: *салдата петра ласырева допросъ, в котором покасал женился де онъ в прош <так!> 749м году в ноябре м(еся)це таболского полку а драгунскаго л или пехотного того он не знает, на вдо[вѣ] полковаго писаря... а ѿммі леонтьевой дочери* (ед. хр. 8, л. 11 об.) – в данном случае субъектом текста (автором документа) представляется в качестве реального факта допроса и показаний солдата Лазарева, реальность же сообщаемого в последующем высказывании оценивается с точки зрения этого солдата, не-

которые сведения (род полка) остаются без оценки их реальности субъектом текста, поскольку они неизвестны самому дающему показания.

Как правило, в грамотах в форме косвенной речи излагается содержание других документов. Субъект текста в основном оперирует задокументированной информацией и принимает решения на основе письменных сведений; устные показания также часто зафиксированы присылаемыми в войсковую канцелярию документами, поэтому в контексте возможно совмещение ссылок на письменный и устный источники сведений. Например: *июня 10 дня в присланной в канцелярию войсковых дѣлъ из шацкой правинцыальной канцелярии промемории написано: в шацкой де правинцыальной канцелярии предъявлены от разныхъ обывателѣи бѣглые рекруты... которыя во ѿной правинцыальной канцелярии допрашива[ны] а допросами показали, что жили они за[...] беглыхъ в разныхъ местахъ в томъ числ[е] вашей станицы у казаковъ* (ед. хр. 6, л. 8) – оценка реальности события «жили они...» здесь опосредована дважды – отсылкой к промемории, в которой сообщается, что беглые рекруты сообщили, что «жили они...».

Как нам представляется, при ссылке на документный источник вряд ли можно говорить о «снижении» оценки реальности события: использование документально подтвержденной информации дает возможность субъекту не только оценивать сообщаемое как реальное, но и действовать на основе этой оценки, убеждая адресата в обоснованности своих действий (решений). В случае, если возникает противоречие между сообщениями разных (в том числе документных) источников, автором грамоты предписывается установление истинного положения дел – какое из сообщаемых событий имеет место в реальности. Например: *что касается до бою почтоваго самарской почты касака михайлы латырева и отнятии у нѣго лошади и протчаго гласуновским касакон адреем сидоровым о том определѣния учинить нѣвозможно за тем какъ и ты доносишь что сдес под караулам оной андреи содержится а по справкѣ онаго сдес под караулам нѣ токмо нынѣ нѣтъ но и преждѣ нѣ*

была о котором надлѣжитъ тѣбе по полученіи сего справяс... гдѣ нынѣ имѣетца и к нам обстоятѣлно тогда о том доносить (ед. хр. 3, л. 4) – в данном высказывании говорится о противоречивости сведений по поводу наличия или отсутствия некоего казака Андрея под караулом, которые содержатся в доношении адресата и в полученной справке; в такой ситуации принятие какого-либо решения становится невозможным, а соответственно, возникает необходимость выяснения, имеется ли в реальности описываемый факт, и сообщения об этом в дополнительном документе (доношении); здесь представлено взаимодействие объективной модальности и прагматической модальности вопроса (выражен придаточным предложением с союзным словом *где*).

При ссылке на высочайший указ или документ вышестоящей инстанции сообщаемое в них принимается как реальное.

Введение косвенной речи, как отмечалось, осуществляется в основном при помощи частицы *де*, которая, несмотря на разговорную окраску (см.: САР, с. 572; СлРЯ XVIII), является основным средством указания в грамотах на «чужие» слова. Частица *якобы*, выражающая в современном русском языке сомнение в достоверности сообщаемого другим субъектом (Даль, с. 676; БАС, стб. 2072), в грамотах при ссылке на документ, вероятно, не реализует данного значения, а выступает только маркером чужой речи, например: *сего года октября 15г(о) дня по поданному из крепости святыя анны инѣантеріи казанского полку подпорутчика василья кареѣва нам воисковому атаману і воиску донскому в черкаском доношению; [которым объявил] якобы ево отважские крестьянѣ живут в вашей станице а сошли после указногѣ времени 710г(о) году* (ед. хр. 1, л. 3).

3.4.2. Формы индикатива употребляются в условных придаточных предложениях. Такие конструкции определяются как реальные условные конструкции (В.С. Храковский) [8, с. 201–205], выражаемое ими наклонение – как виртуальный индикатив (Г.Г. Сильницкий) [9, с. 96]. По определению Г.Г. Сильницкого, здесь отмечается «отсутствие у субъекта речи достоверной информированности о реализации или нереализации соответствующего

события» [9, с. 96], «субъект речи говорит о соответствующем событии... как о возможном, но не необходимом» [9, с. 97]. В данном случае не утверждается, что сообщаемая ситуация реальна, но предполагается, что она может иметь место в действительности и ее осуществление влечет за собой реализацию другой ситуации.

Как правило, в условных придаточных отмечаются глагольные формы будущего времени или страдательных причастий со вспомогательным глаголом *быть* в будущем времени; встречаются также формы синтаксического прошедшего и настоящего времени.

При использовании футуральных форм в придаточном предложении говорится о возможных в будущем ситуациях, которые являются условием выполнения тех или иных действий. Такое употребление В.С. Храковский считает центром поля реальных условных конструкций. Особенность их в рассматриваемых документах заключается в том, что в главном предложении говорится о действиях, которые предписываются в случае осуществления ситуации, называемой в придаточном, и, таким образом, выражение объективно-модального значения здесь сочетается с реализацией модальности необходимости: *и ежели кто к темъ пожиткамъ и вещамъ хазяева будутъ выискиватца оныя б для опознания и всятъя явились в воронежск[ои] губ[ернской] канцеляриі немедленно* (ед. хр. 9, л. 34); *ежели паче чаяния хто для отбору венечных ден(е)гъ к вам присланъ будетъ оным не токмо не отдават но и самих тех присланных с нарочными на подводах в немедленом времени к нам прислат* (ед. хр. 4, л. 2). Описываемые ситуации относятся к неопределенному времени в плане будущего; временная неопределенность усиливается при выраженной неопределенности субъекта («кто-то», «кто-нибудь»), места и т. д.: *и буде где кемъ кто присмотрень будетъ то изловя забив в колотки отсылат* (ед. хр. 8, л. 12).

Условные придаточные предложения с презентными и претеритальными формами обозначают ситуации как возможное выяснение того, имеют / имели ли место сообщаемые факты в реальности, например: *такое ж в каторых станицахъ положенные г(о)-*

с(у)д(а)ревы оруктовья шорны имеюцца чныя осмотра ежели требуют починки то приказать починит (ед. хр. 6, л. 5 об.–б) – то есть «если станет известно, что упряжки требуют починки»; *имеете вы станишныя атаманы и козаки обстоятельную справку учинить венечные пошлинные денги у васъ когда взяты л и ежели взяты на станишныхъ зборех со всяким обстоятельством обявлять* (ед. хр. 4, л. 1 об.) – в данном случае предписывается выявить наличие фактов в действительности и говорится о необходимых действиях в случае такого выявления.

3.4.3. Возможность конструкций с отрицанием выражать реальность / ирреальность неоднозначно характеризуется учеными [9, с. 75]. Так, в «Русской грамматике» формы простого предложения с отрицанием (*Нет возражений, Ни души* и под.) включаются в систему синтаксического индикатива [7, т. 2, с. 101], какая-либо связь различий между утвердительными и отрицательными предложениями с различиями объективно-модальными специально не оговаривается; в то же время авторы пишут о связи утверждения и отрицания (отрицание какого-либо факта есть утверждение факта противоположного), о семантике общего отрицания, когда отрицается предикативный признак, а через него и вся ситуация [7, т. 2, с. 402, 408]. В некоторых работах, напротив, говорится о включении утверждения / отрицания в сферу модальности: эти значения отражают наличие / отсутствие объективных связей между описываемыми предметами, признаками, событиями [9, с. 68]; о взаимодействии категорий отрицания и ирреальности, которое проявляется в сближении функций частиц *не* и *бы*: они обе означают то, что соответствие ситуации действительности оценивается негативно [5, с. 206–208]. Если определять объективную модальность через противопоставление реальности (осуществляемости или осуществленности) и ирреальности (неосуществленности) [6, с. 303], то значение отрицания (неосуществленность) коррелирует с ирреальностью. Очевидно, связь категории отрицания и объективной модальности обнаруживается в первую очередь в так называемых общеотрицательных предложениях (с отрицанием при предикате). В то же вре-

мя при отрицании неосуществленность действия, ситуации также мыслится в плане временной определенности – в прошлом, настоящем или будущем, что выражается теми же формами синтаксического индикатива.

В войсковых грамотах отрицательные конструкции немногочисленны. Они отражают неосуществленность (неосуществляемость) ситуаций в настоящем (отрицательное слово *нет*, глагольные формы настоящего и будущего времени с отрицательной частицей *не следует*, *не упомянет*), прошедшем (спрягаемые формы прошедшего времени *не могли*, *не знал* и под.), будущем (страдательные причастия со вспомогательным глаголом *брано не будет*, *пригнато не будет*) времени. Например: *а шелковых заводовъ почти ничего нетъ* (ед. хр. 8, л. 19) – в данном случае осуществление события (наличие объекта) в действительности отрицается не полностью, о чем свидетельствует частица *почти*, тем самым утверждается таковое наличие в некотором количестве, и, думается, можно говорить о реализации здесь объективно-модального значения реальности; *оныя леса ... по саготовлени[и] сполна в черкаскои не пригонялис* (ед. хр. 9, л. 16), выражение *сполна не пригонялис* означает «пригонялись, но не сполна, не в полном количестве», то есть по смыслу равнозначно частному отрицанию; *а по справкѣ онаго здес под караулам нѣ токмо нынѣ нѣтъ но и преждѣ нѣ была* (ед. хр. 3, л. 4) – здесь полностью отрицается факт в настоящем и для убедительности подчеркивается его отсутствие и в прошлом, в опровержение утверждения этого факта в предыдущем фрагменте текста.

4. Основным средством выражения объективно-модального значения ирреальности считаются морфологические формы сослагательного наклонения глагола. В войсковых грамотах они встречаются в высказываниях, передающих предписываемые действия, и реализуют семантику опатива [9, с. 93–94]. Мы рассматриваем их как выражение прагматической модальности волеизъявления [10, с. 11]. Например: *определили мы воискомъ донским во объявленную секретную камисию послат промеморию и сообщит ежели когда осначенному старшине краснащоккову по партикулярной ево надобности во-*

стребуецца куды посылка то б о даче в ведомстве нашемъ посылающимся от него за укасныя прогоны подвод требовал онъ подорожнои (ед. хр. 9, л. 12 об.) – в данном случае словоформа *б требовал* обозначает действие, предписываемое в случае возникновения определенной ситуации; *велѣть хотя за дѣнги... покупать и доволствовать лошади чтоб их лошади и к почтовой гонбе были б исправны* (ед. хр. 3, л. 4) – здесь в сослагательном наклонении употреблен вспомогательный глагол *быть* в составе именно-го сказуемого, обозначающего требуемые качества.

Другие модальные значения формами сослагательного наклонения выражаются редко. Отмечен такой контекст: *имеете вы станишныя атаманы и козаки обстоятельную справку учинить венечные пошлинныя денги у васъ когда взяты л и ежели взяты на станишныхъ зборех со всяким обстоятельством объявлять оному козаку... почему бы можно было ему со всяким обстоятельством во шписи вносить а нам бы оное на воронежъ сообщить* (ед. хр. 4, л. 2). В данном случае предыдущие действия *справку учинить*, *объявлять* делают возможным осуществление последующих действий *вносить*, *сообщить*; употребление морфологической формы сослагательного наклонения глагола *быть* можно определить по терминологии «Русской грамматики» как синтаксическое ирреальное наклонение со значением возможности в неопределенном временном плане [7, т. 2, с. 102], но данный глагол выполняет функцию вспомогательного при модальном предикативе *можно* с этим же значением. Семантику возможности мы относим к сфере пропозициональной ситуативной модальности [10, с. 9, 11].

Значение ирреальности как гипотетичности и нереализованности, неосуществимости события, выражаемое формами сослагательного наклонения, в текстах войсковых грамот не обнаружено, но эти данные могут быть скорректированы при расширении исследуемого материала.

5. Обобщая наблюдения над войсковыми грамотами середины XVIII в., можно сказать, что объективная модальность в текстах реализуется в абсолютном большинстве слу-

чаев в значении реальности и выражается формами реального наклонения (синтаксического индикатива): субъект оценивает сообщаемое как реальные, конкретные факты, которые имели, имеют или будут иметь место в действительности. Отнесенность к определенному времени часто выражается указанием точных дат, а реальность, достоверность событий подтверждается ссылкой на документы. В содержании грамот можно выделить две основные части – мотивирующую и распорядительную, в которых временные формы представлены по-разному. Реальность в настоящем и прошлом выражается преимущественно в так называемой мотивирующей части текста грамот, где повествуется о существующей во время создания документа ситуации или о предшествующих ему событиях, вызвавших необходимость принятия субъектом решения и, соответственно, его оглашение в грамоте. В распорядительной части, в которой излагаются возможные после написания документа ситуации и предпринимаемые в этих ситуациях действия, часто отмечаются формы будущего времени. Значение реальности излагаемых фактов, а именно их актуальность, выражается также в формулах, которые выполняют роль документных реквизитов (сообщения о датах написания документа и его получения адресатом, о наличии на документе войсковой печати): их функция заключается в подтверждении подлинности самого документа, а значит, и содержащейся в нем информации.

Употребление форм ирреального наклонения связано преимущественно с реализацией прагматической модальности волеизъявления.

Модальная организация войсковых грамот не только подчинена реализации общей императивной, предписательной, установки, но и способствует выполнению ими информативной функции посредством экспликации значений объективной модальности, что актуализирует такие свойства официального документа, как объективность и точность.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда и Администрации Волгоградской области, про-

ект № 16-14-34004 «Динамика текстовой и языковой организации региональных документов XVIII–XIX вв. (по данным архивного фонда “Михайловский станичный атаман” ГАВО)».

² При цитировании источников указываются только номер единицы хранения и лист / оборот листа. Выносные буквы приводятся в строке; титла раскрываются, при этом восстановленные буквы заключаются в круглые скобки; надстрочные знаки не воспроизводятся; предлоги, союзы и частицы передаются в раздельном написании с последующими или предыдущими словоформами; в остальном сохранена орфография оригиналов. Буквы, восстанавливаемые в случае поврежденности оригинала, даются в квадратных скобках.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бондарко, А. В. Вид и время русского глагола (значение и употребление) / А. В. Бондарко. – М. : Просвещение, 1971. – 239 с.
2. Ваулина, С. С. Эволюция средств выражения модальности в русском языке (XI–XVII вв.) / С. С. Ваулина. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1988. – 143 с.
3. Виноградов, В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) / В. В. Виноградов. – 3-е изд., испр. – М. : Высш. шк., 1986. – 640 с.
4. Исаченко, А. В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким: морфология. Ч. 1–2 / А. В. Исаченко. – 2-е изд. – М. : Языки славянской культуры, 2003. – 880 с. (297 с. + 570 с.).
5. Ляпон, М. В. Взаимодействие категорий отрицания и ирреальности в тексте / М. В. Ляпон // Синтаксис текста. – М. : Наука, 1979. – С. 204–213.
6. Ляпон, М. В. Модальность / М. В. Ляпон // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Сов. энциклопедия, 1990. – С. 303–304.
7. Русская грамматика : в 2 т. – М. : Наука, 1980. – Т. 1. – 783 с. ; Т. 2. – 709 с.
8. Теория функциональной грамматики: Локативность. Бытийность. Поссесивность. Обусловленность / отв. ред. А. В. Бондарко. – СПб. : Наука, 1996. – 229 с.
9. Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность / отв. ред. А. В. Бондарко. – Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1990. – 263 с.
10. Шептухина, Е. М. Войсковые грамоты середины XVIII века в аспекте категории модальности / Е. М. Шептухина, О. А. Горбань // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2015. – № 5 (29). – С. 7–18. – DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu.2015.5.1>.
11. Шептухина, Е. М. Особенности модальной организации региональных деловых документов

XVIII века / Е. М. Шептухина // Категория модальности в речевой коммуникации : сб. науч. тр. / под ред. И. Ю. Куксы. – Калининград : Изд-во БФУ им. И. Канта, 2016. – С. 156–162.

СЛОВАРИ

БАС – Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. – М. : АН СССР, 1965. – Т. 17. – 2126 стб.

Даль – Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. И. Даль. – Т. 4. – М. : Русский язык, 1999. – 684 с.

САР – Словарь Академии Российской 1789–1794 : в 6 т. – М. : МГИ им. Е.Р. Дашковой, 2002. – Т. 2. – 744 с.

СЛРЯ XVIII – Словарь русского языка XVIII века / АН СССР. Ин-т рус. яз. ; гл. ред. Ю. С. Сорокин. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/sl18/slov-abc/> (дата обращения: 04.11.2015). – Загл. с экрана.

REFERENCES

1. Bondarko A.V. *Vid i vremya russkogo glagola (znachenie i upotreblenie)* [The Aspect and the Tense of the Russian Verb (Meaning and Use)]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1971. 239 p.

2. Vaulina S.S. *Evolyutsiya sredstv vyrazheniya modalnosti v russkom yazyke (XI-XVII vv.)* [The Evolution of the Means of Modality Expression in the Russian Language (11-17th Centuries)]. Leningrad, Izd-vo LGU, 1988. 143 p.

3. Vinogradov V.V. *Russkiy yazyk (Grammaticheskoe uchenie o slove)* [Russian Language (Grammatical Theory About the Word)]. 3rd ed., rev. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1986. 640 p.

4. Isachenko A.V. *Grammaticheskiy stroy russkogo yazyka v sopostavlenii so slovatskim: morfologiya. Ch. 1-2* [Grammatical Structure of the Russian Language in Comparison With Slovak: Morphology. Part 1-2]. 2nd ed. Moscow, Yazyki slavyanskoy kultury Publ., 2003. 880 p. (297 p. + 570 p.).

5. Lyapon M.V. *Vzaimodeystvie kategoriy otritsaniya i irrealnosti v tekste* [The Interaction of the Categories of Denial and Unreality in the Text]. *Sintaksis teksta* [The Syntax of the Text]. Moscow, Nauka Publ., 1979, pp. 204-213.

6. Lyapon M.V. *Modalnost* [Modality]. Yartsev V. N., ed. *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar* [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Sov. entsiklopediya Publ., 1990, pp. 303-304.

7. *Russkaya grammatika: v 2 t.* [Russian Grammar. In 2 vols.]. Moscow, Nauka Publ., 1980. Vol. 1. 783 p.; vol. 2. 709 p.

8. Bondarko A.V., ed. *Teoriya funktsionalnoy grammatiki: Lokativnost. Bytiynost. Possessivnost. Obuslovlennost* [The Theory of Functional Grammar. Locativity. Being. Possessivity. Conditionality]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1996. 229 p.

9. Bondarko A.V., ed. *Teoriya funktsionalnoy grammatiki. Temporalnost. Modalnost* [The Theory of Functional Grammar. Temporality. Modality]. Leningrad, Nauka Publ., Leningr. otделение, 1990. 263 p.

10. Sheptukhina E.M., Gorban O.A. *Voyskovye gramoty serediny XVIII veka v aspekte kategorii modalnosti* [Don Cossack Army Charters of the Mid 18th Century Via the Category of Modality]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2015, no. 5 (29), pp. 7-18. DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu.2015.5.1>.

11. Sheptukhina E.M. *Osobennosti modalnoy organizatsii regionalnykh delovykh dokumentov XVIII veka* [Features of Modal Organizations in Regional Business Documents of the 18th Century]. Kuksa I. Yu., ed. *Kategoriya modalnosti v rechevoy kommunikatsii: sb. nauch. tr.* [Category of Modality in Speech Communication: Collection of Scientific Works]. Kaliningrad, Izd-vo BФU im. I. Kanta, 2016, pp. 156-162.

DICTIONARIES

Slovar sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka: v 17 t. T. 17 [Dictionary of Modern Russian Literary Language. In 17 vols. Vol. 17]. Moscow, AN SSSR Publ., 1965. 2126 col.

Dal V.I. *Tolkovyy slovar zhivogo velikoruskogo yazyka: v 4 t. T. 4* [Explanatory Dictionary of the Natural Great Russian Language. In 4 vols. Vol. 4]. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 1999. 684 p.

Slovar Akademii Rossiyskoy 1789-1794: v 6 t. T. 2 [Dictionary of Russian Academy. In 6 vols. Vol. 2]. Moscow, MGI im. E.R. Dashkovoy Publ., 2002. 744 p.

Sorokin Yu.S., ed. *Slovar russkogo yazyka XVIII veka* [Dictionary of Russian Language of the 18th Century]. Available at: <http://feb-web.ru/feb/sl18/slov-abc/>.

**IMPLEMENTATION OF OBJECTIVE MODALITY
IN DON COSSACK ARMY CHARTERS OF THE MID 18th CENTURY****Oksana Anatolyevna Gorban**

Doctor of Philological Sciences, Professor,
Department of Russian Language and Documentation Studies,
Volgograd State University
o.gorban@mail.ru, iryas@volsu.ru
Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation

Elena Mikhaylovna Sheptukhina

Doctor of Philological Sciences, Professor,
Department of Russian Language and Documentation Studies,
Volgograd State University
sheptukhina@yandex.ru, iryas@volsu.ru
Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation

Abstract. The article deals with the language means of objective modality representation in the texts of the 18th cen. army charters from the archive “Mikhaylovsky stanitsa ataman” (State Archive of Volgograd Region). According to the contextual analysis the meaning of reality is viewed as dominating in the army charters and being explicated with the reality mood (syntactic indicative). The authors point to correlation between the document construction and tense form preferences in the usage: the meaning of reality in the present and past is predominantly presented in the motivation section of the charter, futurum forms are frequently positioned in the administrative part. It is stated that a number of sustained structures that supplant document arrangement functions point to the truth of the facts presented in the paper: they confirm the authenticity of the document, thus verifying the information validity in it. The time point reference is presented with exact dates, event truthfulness is attested by the reference to some other documents. Irreality mood forms associated with the pragmatic modality of volition are also used in the charters. The study revealed some cases of modal meaning convergence, objective and situational types including, the objective modality is conveyed with negative syntactic constrictions. The modality category representation in the construction of army charters studied in the article helps to verify the information function through objectivity and truthfulness that are typical features of official papers.

Key words: document, military charter, Don Host Province, objective modality, language means of objective modality.